

О.К. Ермакова

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УРАЛА И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: НА СТЫКЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И РОССИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ (XVIII – СЕРЕДИНА XIX в.)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.»

Рассматривается проблема столкновения и взаимодействия правовой культуры иностранных технических специалистов как одной из элитных социальных групп, формировавших уральскую индустриальную идентичность, с правовой культурой местных административных структур и частных заводоуправляющих. Разница и постепенное сближение правосознаний прослеживаются на основе анализа контрактов с иностранцами в динамике – от текста договора до его реализации на практике.

Ключевые слова: индустриальная идентичность; правовая культура; контракт; иностранные специалисты; договорное право.

Истоки уральской индустриальной идентичности, основанной на специфике хозяйственного уклада территории, складывались, в том числе, из социокультурного облика различных слоев населения региона, в особенности его элитных групп. Правовая культура, как часть культуры вообще, являлась одним из элементов коллективного социокультурного портрета той или иной социальной страты. Одним из ключевых акторов формирования индустриальной идентичности горнозаводского Урала выступала техническая элита, которую во многом составляли приглашенные специалисты из Западной Европы. Наемные специалисты являлись носителями иного правового сознания, что ярко проявлялось в их взаимодействии с администрациями заводов и региона в целом.

Взаимодействие приглашенных специалистов с местными администрациями происходило в правовом поле контрактов и общих законов об иностранцах в России. Исходя из широкой трактовки понятия «правовая культура», подразумевающей под этим термином в том числе уровень развития нормативно-правовых актов в государстве и культуру правового общения власти и населения, анализ эволюции контрактов с иностранцами, как и обращение к разного рода казусам, позволяет сделать выводы о правовой культуре контрагентов. В процессе обсуждения условий и заключения контракта, а также его последующей динамики (соблюдения или нарушения) осуществлялась коммуникация между сторонами договора, в ходе которой проявлялись их представления о реальной юридической силе письменного соглашения, степени защищенности и равноправии контрагентов. Особенно явная разница в правовом сознании участников договорных отношений наблюдалась на начальном этапе систематического контрактирования специалистов для уральских заводов – в петровскую эпоху.

В первой четверти XVIII в. положение иностранца, поступившего на российскую службу (пусть и временно – по контракту), формально стало гораздо более свободным, чем в XVII в. Договор заключался на определенный срок и содержал конкретные условия работы. Однако эта абсолютно европейская практика

договорных отношений в полной мере стала претворяться в жизнь в российских реалиях лишь с течением времени. Фактически иностранный специалист во многом, как и прежде, зависел от воли и указов государя.

Яркими иллюстрациями конфликта правосознаний служат многочисленные казусы, связанные с неисполнением условий договора со стороны нанимателя, т.е. государства (впоследствии можно будет наблюдать похожую практику с участием частных заводоуправляющих). В петровскую эпоху камнем преткновения чаще всего служили два обстоятельства: невыплата в срок и в полном размере жалования наемным специалистам, а также удержание иностранцев в России по окончании контрактов. Отношение к иностранным специалистам как к функции и своего рода «собственности» не разнилось в зависимости от того, шла ли речь о рядовых мастерах или же о высококвалифицированных кадрах, сыгравших ключевую роль как в становлении металлургического производства, так и в усовершенствовании отраслевых административных структур. При этом надо заметить, что большинство иноземцев приезжало на российскую службу именно с целью обогащения, достижения финансового благополучия (наряду с причинами религиозного, личного характера и др.).

Известный горный деятель Иоганн Фридрих Блиер, внесший большой вклад в развитие уральского горнозаводского комплекса на начальном этапе его формирования, не раз оказывался в затруднительных ситуациях ввиду ненадлежащей выдачи ему жалования и различных денежных компенсаций. По поводу одного из таких случаев он подал донесение в Сенат в 1712 г. И. Блиер сообщал, что в 1701 г. по царскому повелению он был послан в Саксонию для найма горных мастеров. Эта миссия ему удалась, с приглашенными специалистами заключили контракты, а самому Блиеру поручалось исполнять «бергмейстерское дело», за что устанавливалась прибавка к жалованию в размере 150 ефимков на год. Однако вплоть до 1712 г. все что «прибавлено, то (было. – Е.О.) удержано безвинно» [1. Л. 43], – сетовал иностранец. Тогда И. Блиер, будучи в Петербурге, бил челом государю о своем прибавочном жаловании и получил уверение в том,

что в Сенат направлен соответствующий именной указ. Сенат же повелел бергмейстеру ехать в Москву и «дачею жалования обнадёжил» [1. Л. 43]. Но, как свидетельствовал И. Блиер, и в Москве положенных денег ему не выдали, а получил он лишь указание царского величества ехать в Сибирь для осмотра рудных мест. Иноземец жаловался на крайнюю «скудость за неприятием жалования», вследствие чего он «одождал велми», а также волновался о своей дальнейшей участи, подчеркивая, что «прежней бергмейстер и горные люди за удержанием жалования скитаясь меж двор с голоду померли и в том опасении надлежало бы мне ехать во свое отечество яко есть свободен, по контракту урочные годы выжил» [1. Л. 43]. Тем не менее Иоганн Блиер не желал оставлять службу в России и просил выдать ему деньги для поездки в Сибирь. При последующем разборе дела Сенатом оказалось, что и другие иностранные мастера из команды И. Блиера не получили жалования по своим договорам [1. Л. 46]. Например, в донесении горного мастера Иоганна Гана значилось: «А для чего за вышеписанные заслуженные годы Его Царского Величества жалования ему не дано, и на Москве он удержан, и к делу никуда был не послан, и в свою Саксонскую землю не отпущен, того он не ведаёт» [1. Л. 52 об.]. Выяснилось также, что в именном указе от 24 октября 1701 г., предписывавшем выдавать установленное «вывозным листом» жалование саксонским мастерам, про прибавочные 150 ефимков, положенных И. Блиеру, ничего не говорилось. Эти деньги так и не были специально выплачены бергмейстеру. В протоколе Сената лишь значилось, что впоследствии в зачет прибавочного жалования И. Блиеру записали 200 рублей, выданные ему для поездки в Сибирскую губернию [1. Л. 50–51 об.].

Другую челобитную подобного рода Иоганн Блиер подал в 1719 г., когда вновь «одождал великими долгами». Случилось это при следующих обстоятельствах. В 1715 г. горный офицер вместе со своими помощниками – рудокопным мастером И. Ганом и переводчиком П. Бривцыным, согласно сенатскому указу, отправился в Астрахань для поиска серебряной и медной руд. Далее И. Блиеру следовало направиться в Черкесию, для чего в Астрахани ему выдали 200 рублей «для покупки всяких подарков черкесским князьям», потому что – пишет И. Блиер – «князь черкеской и другие тамошние мурзы сказали мне, что без того туды и ехать невозможно» [2. Л. 23]. Взятые средства, и даже сверх того, были потрачены на упомянутые подарки и другие расходы в пути. Вдобавок, стремясь избавить своего помощника И. Гана от «оскудения», И. Блиер самостоятельно выдал ему жалование за 1717–1718 гг., поскольку выплаты команде из казны закончились еще в 1716 г., в результате чего и образовались немалые долги как у самого И. Блиера, так и у его мастеров. В июне 1719 г. Берг-коллегия был дан указ о выдаче жалования И. Блиеру и переводчику П. Бривцыну за 1717 и 1718 гг., однако за вычетом 200 рублей, полученных в Астрахани, так как о подарках черкесским князьям Иоганн Блиер «явного свидетельства не показал» [1. Л. 41–41 об.]. Таким образом, и в этом случае иностранцу не удалось добиться полной компенсации издержек.

В целом из донесений И. Блиера видно, что в силу характера его деятельности он часто пребывал в различных, весьма дальних поездках, финансовое обеспечение которых оставляло желать лучшего. Горному офицеру приходилось самостоятельно разрешать возникавшие в связи с этим трудности. Дело осложнялось тем, что оплата производилась всякий раз из разных ведомств. Надо сказать, что И. Блиер довольно терпеливо сносил подобные тяготы, в отличие, например, от известного вздорным характером бергмейстера Иоганна Готфрида Гейденрейха, служившего на горных заводах в 1720-е гг. И. Гейденрейх активно отстаивал свои права, апеллируя к контракту. Так, например, он уверял, что не обязывался постоянно переезжать с одного завода на другой (хотя в итоге послужил на различных заводах – олонечких, уральских). Несмотря на это, в 1728 г. он был насильно отправлен в Нерчинск для оценки месторождений серебряной руды. Кроме того, бергмейстер в течение года оставался без положенного жалования и требовал за это компенсаций, на что получил весьма показательный ответ Берг-коллегии, в котором говорилось, что в России служит немало иностранцев, и многим из них жалование в срок не выдается [3. Л. 92–93; 4. Л. 10–10 об., 79–83 об.]. Иными словами, подобная практика являлась для того времени нормой.

И. Гейденрейх в одном из донесений Берг-коллегии поставил вопрос о выплате жалования иностранным специалистам по третям года, о чем в Сибирский обербергамт был послан соответствующий указ. Причем, такой порядок устанавливался как для иностранных, так и для русских мастеров, «которые живут в одном месте», т.е. на одном заводе. Кроме того, предписывалось при направлении иноземцев в «другие места» выдавать им жалование заранее, «понеже оные люди иностранные и будучи им в тех местах во отдалении жалования получить и занять негде», и чтобы они не испытывали нужды, и «на коллегия не понесли жалобы» [5. Л. 38]. При этом стоит подчеркнуть, что выплата жалования по третям предусматривалась контрактом И. Гейденрейха, но, судя по всему, это условие долгое время оставалось лишь на бумаге.

При исполнении контракта, заключенного с Иоганном Гейденрейхом, обнаружилось противоречие, происходившее, по-видимому, от разницы в понимании особенностей бергмейстерской службы в России и Германии. Один из пунктов договора гласил, что помимо основного жалования, иностранец имеет право на «протчие бергмейстеру надлежащие доходы и воли» [3. Л. 94 об.]. Под этим И. Гейденрейх понимал дополнительные акциденции, которые, как он полагал, должны были выдаваться ему из казны. Неудовольствие отсутствием подобных выплат он выразил в одном из своих мемориалов Берг-коллегии, ссылаясь на немецкую практику: «в Германии акциденции бергмейстерские и всех протчих горных начальников гораздо выше нежели жалование обойдетца» [4. Л. 80]. Однако получил ответ, что акциденции он мог бы заработать самостоятельно, оказывая, к примеру, консультационные услуги частным заводчикам, а к

государственным выплатам это не имеет никакого отношения [4. Л. 10 об.]. Вероятно, когда составлялся договор, данный вопрос не уточнялся. К тому же в первой четверти XVIII в. основу контракта во многом составляли условия, объявленные самими иностранными специалистами. Такие условия могли быть просто записаны со слов контрактеров. К слову, И. Гейденрейх, стремясь отстаивать свои права, ссылаясь не только на контракт, но и на российское законодательство об иностранцах и намереваясь в поиске «сатисфакции» обращаться к императору [3. Л. 94].

В то же время иностранные специалисты находились в привилегированном положении, по сравнению с русскими мастерами. Например, в одном из протоколов Сибирского обербергамта 1725 г. разбирался вопрос о выдаче жалования мастерам за так называемые «прогульные дни», когда выполнять работы оказывалось невозможным в силу объективных причин, таких как недостаток воды в плотине. Местным работникам не полагалось оплачивать дни простоя, а если кому-то уже было выдано за них жалование, следовало в дальнейшем удержать эти суммы. Однако специалистов-иностранцев это правило не касалось. Им полагалось платить жалование за дни простоя так же, как и за рабочее время [6. Л. 80 об.].

При всей европейскости представлений о законе и праве в целом не приходится идеализировать приглашенных иностранных специалистов, считая их людьми исключительной правовой ответственности. Среди них встречались те, кто не гнушался обманывать заводское начальство с целью получения мелких выгод. Например, саксонский лозоходец Иоганн Рылке в 1748 г. некоторое время отсутствовал на месте службы (на Полевском заводе) по причине болезни. Согласно контрактам у иностранцев, как и у русских мастеров, с каждого рубля из жалования вычиталось по 1 копейке «на госпиталь». Поэтому, когда заводской конторе стало известно о болезни саксонца, ему было выплачено в полном размере все жалование за то время, что он не ходил на службу. Однако впоследствии оказалось, что под видом болезни мастер отсутствовал на заводе почти в два раза дольше, чем реально находился на лечении, что подтвердил штаб-лекарь Екатеринбургского госпиталя. Этот прецедент послужил поводом для подачи канцелярией главного правления заводов предложения в Берг-коллегию о том, чтобы иностранцам в случае болезни выдавать только половинное жалование, «чтобы не могли они пронырством своим отбывать от работы» [7. Л. 142–151 об.].

Разумеется, хотя иностранные специалисты и формировали техническую элиту уральских заводов, их сообщество не было однородным. Социальный статус многих иностранцев заметно повышался именно с приездом в Россию. Даже те, кто владел лишь узкими навыками конкретных работ, воспринимались как носители специальных знаний, позволяющих овладеть новыми для Урала технологиями, что и придавало положению иностранцев оттенок элитарности, обеспеченный в первую очередь профессиональной принадлежностью.

Если в петровскую эпоху иностранцев различными способами удерживали от выезда на родину, то

уже в 1740-е гг. многих иностранцев признали «излишними», и власти, наоборот, были заинтересованы в отъезде таких мастеров из России. Издавались специальные указы о незадержании иностранцев по окончании сроков их контрактов (см.: [8. С. 14]). Иностранцам мастерам, работавшим на горных заводах, предлагалось заключить договоры «на вечную службу» или же, в противном случае, выехать «во отечество». Но иностранцы в основном желали продолжать работу на условиях «урочных лет», а не вечно [7. Л. 1а, 23–23 об.].

К первой четверти XIX в. юридическая сила государственных контрактов возросла и уже вполне соответствовала представлениям западноевропейцев о сути договорных отношений. В первые десятилетия XIX в. регулярно проводились «разборы» иностранным мастерам на Урале с целью выявления необходимых заводов иностранцев и тех, кто уже не приносил пользы. К этому времени представители заводских администраций уже не игнорировали значимость контракта. Даже желая уволить «ненужных» иностранцев, правительству приходилось считаться с условиями договора. Если иностранец выражал желание завершить службу именно в установленный срок, а не раньше, ему предоставлялась такая возможность. В то же время и увольнение иностранцы теперь получали довольно легко, стоило только подать прошение. Удерживать особенно искусных мастеров заводские администрации могли исключительно уговорами и предложениями выгодных условий [9. Л. 2–3, 17–18 об., 27–28 об.; 10. Л. 11–11 об.].

Контракты иностранцев с частными заводчиками первой четверти XIX в. по сути и содержанию были схожи с государственными. Их особенностью состояла в том, что заводовладельцы стремились прежде всего регулировать непосредственно предмет договора, подробно прописывая перечень конкретных действий, относящихся к поручаемым иностранцу работам. В отличие от них, представители государственных структур обязательно акцентировали внимание на правах и обязанностях (а также «поведении») иностранца как подданного другой страны, находящегося на территории России: прописывалось обязательство наемного специалиста соблюдать российские законы, но наряду с этим и право пользоваться льготами, установленными для иностранных подданных (см., например: [11. Л. 2–10]). Пожалуй, главное отличие частных соглашений заключалось именно в отношении к юридическому статусу договора, в динамике контракта. Показателен в этом смысле пример недолгой службы французского инженера, профессора Клода Ферри, на заводах Демидовых. Контракт с К. Ферри был расторгнут раньше положенного срока по инициативе нанимателя. В литературе мнения о причинах прекращения договора разнятся: одни исследователи считают, что всему виной личная неприязнь и неудачно сложившиеся отношения француза с управляющим нижнетагильскими заводами М. Даниловым [12, 13], другие указывают на причины более объективного характера – недостаток времени и отсутствие опыта работы с уральскими рудами [14. С. 6]. Так или иначе, имело место досрочное расторжение контракта

без предупреждений и, казалось бы, веских причин. Эта ситуация вызвала резкое негодование профессора Ферри. В письме управляющим делами Н.Н. Демидова в Санкт-Петербург от 9 февраля 1809 г. инженер высказал возмущение, так как ему было предложено подписаться в том, что все условия контракта выполнены в полном объеме. На это француз отвечал: «Я сомневаюсь, чтобы глупость можно было простирать до такой степени, я отказался, как Вам известно» [15. Л. 14]. Профессор указывал и на то, что во время его пребывания на Нижнетагильских заводах он претерпел многие обиды, в результате чего посчитал себя вправе обратиться напрямую к Н.Н. Демидову: «странное со мною обращение в бытность мою в Сибири, сокрытие моих писем, какая тому не была причина, всегдашняя упорность между повелениями Его Превосходительства (Н.Н. Демидова. – Е.О.) до меня относящимися, и тем что действительно исполняли, заслуживает некоторого объяснения и утверждает права по коим я отнесся к самому Его Превосходительству» [15. Л. 14]. В ответном письме из Санкт-Петербургской конторы Клода Ферри заверили в том, что нет никаких сомнений в справедливости изложенных им фактов, а все несправедливости исходили исключительно от Михаила Данилова. Решено было не беспокоить Н.Н. Демидова, поскольку «от него нужно только, чтобы было выплачено все жалование». В итоге конфликт сгладили, а К. Ферри подписался в выполнении сторонами условий контракта [15. Л. 15–16 об.].

Иностранные специалисты участвовали не только в развитии контракта как юридического документа. Их присутствие на уральских заводах побуждало к разработке локальных нормативных актов. Например, таким стало «Положение об иностранных мастерах Златоустовской оружейной фабрики» 1820 г., детально регламентировавшее различные стороны жизни крупнейшей на Урале диаспоры немецких мастеров, сложившейся в Златоусте и представлявшей собой обособленный мир с особой идентичностью [16. Л. 3–23].

К середине XIX в. можно говорить о сближении правовых культур и представлений контрагентов (в лице иностранцев и российских властных структур) о сути договорного права. Наиболее ярко это проявилось в ходе найма британских технических кадров в 1830–1850-е гг. Надо заметить, что в этот период контракты с англичанами составлялись особенно тщательно. Квалифицированные специалисты из «мастерской мира» ценились особенно высоко. Российские агенты, занимавшиеся вербовкой, шли на большие уступки, принимая условия службы британцев в России. Среди таких «избранных» специалистов были те, кого пригласили для введения успешно развивавшихся в Англии технологий – пудлингования, а также судостроения. Британцы Джон и Самуил Пенны, Бернард Аллендер, а также команда инженера-судостроителя Джеймса Карра подписали выгодные контракты с высоким жалованием и дополнительными льготами. В договорах подробно прописывались условия проживания вплоть до вместимости квартир, а также права и обязанности иностранцев относитель-

но перемещений между заводами, возможности отъезда в отпуск на родину и т.п. [17. Л. 8–31].

Контраст виден, если сравнить ситуацию с бельгийскими мастерами, нанятыми в 1850-е гг. для организации нового ружейного производства на Урале. Бельгийцы интересовали горное начальство не только потому, что льежское оружейное производство признавалось одним из лучших, но и в силу существенной экономии казенных средств. По словам генерала В.А. Глинки, «мастера эти отличаются превосходным знанием дела и получают содержание весьма умеренное в сравнении с тем, которое производится вызываемым из-за границы для какого-либо другого производства мастерам» [18. Л. 33 об.]. Действительно, эту разницу можно проследить, сравнив уровень доходов льежских оружейников с содержанием британских инженеров и механиков. К примеру, бельгийцу Кажо, приглашенному возглавить новый завод, по контракту полагалось жалование в 3 130 франков в год, что равнялось 782 руб. 50 коп. серебром, а также, в случае успешной работы он мог заработать дополнительно по 2 франка в день, т.е. 156 руб. 50 коп. серебром в год. Таким образом, его максимальный годовой доход составлял 939 руб. При этом добавочную плату предполагалось произвести только по окончании контракта [18. Л. 398 об.]. Жалование рядовых бельгийских оружейников составляло 626 руб. серебром в год, а дополнительная выплата ограничивалась 156 руб. Работавшие на уральских заводах с 1840-х гг. британцы в этот период получали гораздо более высокие оклады. Доход корабельного архитектора Джеймса Карра исчислялся 8 800 руб. серебром в год, а его помощники в среднем получали около 2 500 руб. Английскому инженеру Иосифу (Джозефу) Тальботу выплачивалось 8 200 руб. в год, даже при том что в силу ряда причин ему не удалось выполнить поставленных технологических задач [19]. Кстати сказать, случай И. Тальбота фактически представляет собой пример неисполнения контракта наемным специалистом. За семь лет пребывания на Урале (с 1849 по 1856 г.) англичанин не реализовал работы и производственные усовершенствования, оговоренные контрактом. Российской же стороной обязательства оказались исполнены в полной мере – жалование инженеру выплачивалось регулярно, даже когда стало ясно, что успехи его деятельности сомнительны [20. Л. 3–5 об., 264–265; 348–368].

В целом к середине XIX в. увеличилась численность наемных специалистов – носителей западной правовой культуры. В первой четверти XIX в. произошли две крупные миграции западноевропейцев, главным образом немцев на Урал. Первая пришлось на 1807–1808 гг. и относилась к строительству Ижевского оружейного завода. На Ижевский и Воткинский заводы приехало 149 западноевропейских специалистов, а вместе с семьями насчитывалось около 300 человек [21. Л. 313 об.–318; 22. С. 74]. Впоследствии многие из них перешли на службу на Златоустовский завод. В течение первой половины XIX в. только на Златоустовской оружейной фабрике работало в общей сложности более 350 иностранных мастеров, а вся диаспора, с учетом членов их семей, была еще боль-

ше. Соотношение иностранных и русских специалистов на фабрике видно по имеющимся сведениям об общей численности работников в разные годы: в 1821 г. на фабрике было занято 1 010 человек, из них – 115 иностранцев. При этом иностранцы занимали более высокие позиции: 108 из них находились в должности мастеров, 6 – подмастерьев и 1 – работник. Тогда как из 902 русских, занятых на фабрике, рабочих мастеров было 53, подмастерьев 207, а остальные 642 – работники. В 1845 г. количество иностранных мастеров и работников составляло 122 чел. из 2 846 (к тому моменту выросло число русских мастеровых, обучившихся у иностранцев их искусству) [23. С. 204–205]. По наблюдениям ряда исследователей, данные на 1818–1819 гг. свидетельствуют о том, что около 25% горных чиновников, состоявших на службе по горному ведомству на Урале, имели нерусское (преимущественно немецкое) происхождение. Такая пропорция сохранялась в составе высшего технического персонала заводов до конца XIX в. [24. С. 26]. В 1840–1850-е гг. на уральские заводы было приглашено 20 британских специалистов, а также 9 бельгийцев. В 1853 г. во время Крымской войны на Екатеринбургской механической фабрике работали 2 британца, 6 бельгийцев и 1 саксонец [25. С. 37].

На протяжении XVIII – первой половины XIX в., на этапах становления и интенсивного развития горнозаводского Урала, закладывались многоаспектные

основы специфической идентичности будущего крупного индустриального центра нового типа. В этот период в результате столкновения двух правовых культур (западноевропейской в лице иностранцев и российской в лице местного горнозаводского начальства и частных предпринимателей) происходила выработка специфической организационно-правовой среды, что постепенно становилось одной из отличительных характеристик уральской индустриальной идентичности наряду с особым типом управления, социальной структурой и культурными традициями региона. Хотя западные специалисты и техники на Урале постоянно находились в привилегированном положении, именно к первой половине XIX в. они достаточно глубоко интегрируются в уральское социально-экономическое пространство, формируя устойчивую правовую систему, обеспечивавшую стабильное существование крупных сообществ иностранных мастеров (например, в Златоусте), и позволяя уральской экономике эффективно встраиваться в международные экономические связи, которые на протяжении XIX в. будут постоянно расти. Присутствие на уральских заводах большого количества выходцев из Западной Европы, необходимость взаимодействия с ними, регламентации их деятельности, разрешения конфликтов – все это способствовало постепенной эволюции местной правовой культуры, повышению ее уровня и степени адаптивности к внешним импульсам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 248. Оп. 1. Кн. 13.
2. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1.
3. Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 33.
4. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 180.
5. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 118.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1253.
8. Ермакова О.К., Рукосуев Е.Ю. Иностранные переселенцы и специалисты в России в XVIII веке: законодательное регулирование пребывания (по материалам полного собрания законов Российской империи) // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 2 (14). С. 7–21.
9. Центральный государственный архив Удмуртской республики (далее ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 55.
10. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 75.
11. ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 782.
12. Виргинский В.С. Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы. М.: Наука, 1986. 234 с.
13. Gouzevitch D., Gouzevitch I. De Ferry a Le Play : deux exemples de collaboration des ingenieurs d'Etat francais et des entrepreneurs miniers russes dans l'Oural : premiere moitie du XIXe siecle // Revue de la Maison Francaise d'Oxford. 2003. Vol. 1, № 2. P. 117–145.
14. Дашкевич Л.А. Михаил Данилович Данилов // Нижний Тагил в лицах. Организаторы производства, инженеры, техники XIX – начала XX века : пособие по историческому краеведению / отв. ред. и сост. Е.Г. Неклюдов. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. 96 с.
15. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 887.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 11. Д. 146.
17. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5592.
18. ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 130.
19. Ермакова О.К. Противники или союзники? Крымская война и британско-российское техническое сотрудничество на Урале // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 67–77.
20. ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1347.
21. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12.
22. Шумилов Е.Ф. Город на Иже: Историческая хроника с прологом и эпилогом, в 12 главах, повествующая о славных традициях и богатой истории столицы Удмуртии. Ижевск : Удмуртия, 1990. 399 с.
23. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург : Академкнига, 2001. 535 с.
24. Немцы на Урале XVII–XXI вв. Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. 288 с.
25. Бондаренко Ф.В., Микитюк В.П., Шкерин В.А. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX – начале XX в. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. 86 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 апреля 2020 г.

The Industrial Identity of the Urals and Legal Culture: At the Intersection of Western European and Russian Traditions (The 18th to Mid-19th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 131–136.

DOI: 10.17223/15617793/454/15

Olga K. Ermakova, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation); Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ermakovaok@mail.ru

Keywords: industrial identity; legal culture; contract; foreign specialists; contract law.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Grant No. 19-78-10095.

The article compares the legal culture of foreign technical specialists, one of the key strata of the Ural society, with the legal culture of Russian (including local Ural) administrative structures of the 18th to the first half of the 19th centuries. Foreigners were one of the elite social groups that directly participated in the formation of the Ural industrial identity based on the specifics of the economic structure of the territory. Legal culture, as part of culture in general, was an important element in the sociocultural image of foreign specialists. At the same time, experts invited from Western Europe were carriers of a different legal consciousness that often led to misunderstanding and conflicts with local mining administrations and private entrepreneurs, even despite the existence of a contract hiring system. The functioning of the system of contract law in Russian realities did not immediately go in line with European conceptions and practice. The article provides specific examples of violations of contracts or disregard of a number of their provisions by employers. This was especially pronounced at the initial stage of the mass attraction of foreigners, in the era of Peter I. Gradually, as the analysis of the later contracts shows and the above cases demonstrate, there was a rapprochement of legal consciousness and ideas about the real legal force of the contract. Such a tendency could be observed back in the first quarter of the 19th century. By the middle of the century, it became absolutely obvious that on the part of the Russian state the contract was not ignored; conversely, it was considered as an important guarantee of foreigners' rights and was carefully executed. The article also gives examples of contract violations by foreigners, who did not perform their professional duties, but demanded all payments and awards their contracts stipulated. This does not allow idealizing hired specialists as models of exclusive legal responsibility. The author makes a general conclusion that in the 18th and in the first half of the 19th centuries, during the period of establishment and intensive development of the mining Urals, when the grounds of specific identity of the future large industrial center of the new type were being formed, the interaction, collision and inter-influence of the two legal cultures (Western European in the face of foreigners and Russian in the face of the local mining authorities and private factory owners) took place, which finally formed one of the specific features of the Ural industrial identity along with the special type of administration, social structure and cultural traditions of the region. The necessity to regulate the activities of large numbers of specialists from Western Europe, interact with them, solve conflicts—all this facilitated the gradual evolution of the local legal culture, increased its level and degree of adaptability to external impulses.

REFERENCES

1. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 248. List 1. Book 13.
2. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 271. List 1. Book 1.
3. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 24. List 12. File 33.
4. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 271. List 1. File 180.
5. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 271. List 1. File 118.
6. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 24. List 12. File 193.
7. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 24. List 12. File 1253.
8. Ermakova, O.K. & Rukosuev, E.Yu. (2019) Foreign Immigrants and Specialists in Russia in the 18th Century: Legislative Regulation of Stay (Based on the Materials of the Full Collection of Laws of the Russian Empire). *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 2 (14). pp. 7–21. (In Russian). DOI: 10.25730/VSU.2070.19.015
9. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 55.
10. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 75.
11. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 24. List 32. File 782.
12. Virginskiy, V.S. (1986) *Efim Alekseevich i Miron Efimovich Cherepanov* [Efim Alekseevich and Miron Efimovich Cherepanov]. Moscow: Nauka.
13. Gouzevitch, D. & Gouzevitch, I. (2003) De Ferry a Le Play: deux exemples de collaboration des ingenieurs d'Etat francais et des entrepreneurs miniers russes dans l'Oural: premiere moitie du XIXe siecle. *Revue de la Maison Francaise d'Oxford*. 1 (2). pp. 117–145.
14. Dashkevich, L.A. (1999) Mikhail Danilovich Danilov. In: Neklyudov, E.G. (ed.) *Nizhnyy Tagil v litsakh. Organizatory proizvodstva, inzheneri, tekhniki XIX – nachala XX veka: posobie po istoricheskomu kraevedeniyu* [Nizhny Tagil in Persons. Organizers of Production, Engineers, Technicians of the 19th – Early 20th Centuries: Manual on Historical Local History]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
15. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1267. List 7. File 887.
16. Russian State Historical Archive. Fund 37. List 11. File 146.
17. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 212. List 1. File 5592.
18. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 43. List 1. File 130.
19. Ermakova, O.K. (2015) Protivniki ili soyuzniki? Krymskaya voyna i britansko-rossiyskoe tekhnicheskoe sotrudnichestvo na Urale [Opponents or Allies? The Crimean War and British-Russian Technical Cooperation in the Urals]. *Quaestio Rossica*. 3. pp. 67–77.
20. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund 43. List 2. File 1347.
21. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 4. List 1. File 12.
22. Shumilov, E.F. (1990) *Gorod na Izhe: Istoricheskaya khronika s prologom i epilogom, v 12 glavakh, povestvuyushchaya o slavykh traditsiyakh i bogatoy istorii stolitsy Udmurtii* [A City on the Izhe: A Historical Chronicle With a Prologue and Epilogue, in 12 Chapters, Which Tells About the Glorious Traditions and Rich History of the Capital of Udmurtia]. Izhevsk: Udmurtiya.
23. Alekseev, V.V. (ed.) (2001) *Metallurgicheskie zavody Urala XVII–XX vv.: Entsiklopediya* [Metallurgical Plants of the Urals in the 17th–20th Centuries: An Encyclopedia]. Yekaterinburg: Akademkniga.
24. Kirillov, V.M. et al. (2009) *Nemtsy na Urale XVII–XXI vv.* [The Germans in the Urals in the 17th–21st Centuries]. Nizhnyy Tagil: NTGSPA.
25. Bondarenko, F.V., Mikityuk, V.P. & Shkerin, V.A. (2009) *Britanskie mekhaniki i predprinimateli na Urale v XIX – nachale XX v.* [British Mechanics and Entrepreneurs in the Urals in the 19th – Early 20th Centuries]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.

Received: 08 April 2020